

Герман Шендеров Отверстия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Герман Михайлович Шендеров

Отверстия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69822958

SelfPub; 2023

Аннотация

Вернувшись во двор своего детства, любой предается воспоминаниям. Как разожгли у мусорки огромный костер – до окон второго этажа – и аэрозольный баллон отлетел кому-то в голову. Как прятали за гаражами порнографическую карточку. Как вместе с другом искали дома кассету "для взрослых", а нашли доказательства того, что папа – жестокий маньяк.

Герман Шендеров

Отверстия

Одинокая ворона боролась с размокшей в луже коркой черного хлеба – та разваливалась и никак не желала оставаться в клюве. Меня она будто и не заметила – птица явно незнакома ни с рогатками, ни с пневматикой. Сколько лет прошло, а во дворе моего детства ничего не менялось – разве что с каждым годом редели стайки детишек у песочницы. Теперь район почти обезлюдел. Кто-то умирал от рака, кто-то от эписторхоза, кто-то и вовсе вешался или спивался. Еще больше народу просто съехали. Считалось, что в районе плохая экология – одни грешили на аккумуляторный завод неподалеку, а экоактивисты не так давно принялись продавливать теорию, что во всем виноват радиоактивный щебень. Это отпугнуло уже потенциальных жильцов, хотя квартиры и продавались, считай, за бесценок. Так или иначе, теперь здесь доживали одни пенсионеры. Вот качели, на которых мы всей компанией семилеток учились делать «солнышко», вот мусорные контейнеры, из которых мы доставали картон, чтобы жечь высокие, как нам тогда казалось, до второго этажа костры. Как-то раз Женька Бажанов, мелкий и вертлявый, кинул в огонь аэрозольный баллон. Тот взорвался, кусок отлетел ему в голову, и с тех пор бедняга заикался. Где Женька

сейчас – спился ли как тетя Ната, слег с больной печенью как Шibaев-старший, или удавился на батарее как наша соседка, тетя Палаша – я не знал. Да и знать не хотел, иначе и сам буду как та ворона – вылавливать то, чего нет, пока оно не превратится в размокшие крошки.

Весенней слякотью зачавкала под ногами тропинка, что вела к гаражному кооперативу – кажется, растекшись однажды, затажной стылой весной, она так с тех пор и не засыхала. Вот узкий проход между домами, в котором мы с Мишкой Горловым, моим лучшим другом, как-то раз нашли порнографическую карточку – «даму червей». Находку мы бережно передавали друг другу, перепрятывали все в новых, более заковыристых местах как самое настоящее сокровище, пока не спрятали так хорошо, что сами не смогли найти.

Вот и отцовский гараж, самый дальний в линии. Серая краска пооблупилась – надо бы обновить, на замке обрезанная пластиковая бутылка – чтобы не заржавел. Привычно скрипит длинный, похожий на гвоздь-сотку ключ в замке, каждый раз будто открывая хранилище детских воспоминаний.

– Фсини эрок! – поздоровался я на древнекоптском. Отец обожал притаскивать с работы такие вот лингвистические «сувениры». Некоторые – как этот – плотно входили в привычку домашних.

На мое приветствие никто не ответил.

Произошло это за пару месяцев до моего десятилетия, почти двадцать лет назад. Вот уже три с лишним месяца я не ходил в школу – отлеживался после тяжелой болезни. Заболел я глупо. Отец – кабинетный палеограф по профессии – решил провести со мной день «по-мужски» и позвал меня на зимнюю рыбалку. Ему, наверное, в силу неопытности, показалось, что к началу декабря лед будет достаточно крепким. Он ошибся. Дотопал до середины озера, помахал мне рукой – безопасно, мол. Я только и успел сделать несколько шагов, как услышал ужасающий треск, а следом провалился под лед. Не знаю, как отец успел меня достать – очнулся я уже дома, чуть ли не через неделю, истощенный и едва способный говорить. Мать все плакала и кормила меня с ложечки, а отец трогал за плечо, будто проверяя что-то, приговаривал «Живой! Живой!».

С тех пор родители окружили меня почти удушающей заботой – особенно отец. После смерти бабушки он вообще стал какой-то беспокойный, потерянный, и относился к нам с мамой с болезненной бережливостью. Сам я бабушки почти не знал, а потому запомнил только ее неестественно спокойное и кипенно-белое после трудов погребального гримера лицо, которое мне потом несколько раз снилось в кошмарах.

В общем, теперь за мое выздоровление боролись как за мир во всем мире. Первое время я то и дело впадал в беспмятство, а в груди плотно поселилось ощущение, будто в лег-

ких ползает что-то большое и скользкое. Из-за постоянного кашля – я выхаркивал пахнущую тиной слизь еще две недели – и не пойми откуда взявшихся регулярных обмороков было решено перевести меня на домашнее обучение. Тумбочка у кровати поросла таблеточными блистерами, флаконами с сиропом и непреходящей чашкой чая – мать наказала мне пить много жидкости. Отец еще повесил мне на шею колбочку из-под «Киндера», сказал не снимать. Я как-то раз открыл, думал, там будет чеснок, но не угадал – в колбочке болтался какой-то неровный дырявый камешек.

По вечерам мать занималась со мной по школьной программе, чтобы я не отстал, а днем родители уходили на работу, и я оставался один. Чтобы я не умер со скуки, отец, скрепя сердце, торжественно выдал мне пульт от громоздкого видеомэгаффона «Грюндиг» – семейной гордости. «Видики» появились во дворе первыми у нас – отцу привезли из экспедиции еще до развала Союза вместе с видеокамерой – и у Шибаетых, но те никогда никого не приглашали в гости. Вдобавок, отец, видимо, под давлением чувства вины принес с рынка целую стопку кассет. Чего там только не было – «Том и Джерри», диснеевская «Белоснежка», мультфильмы Тэкса Эйвери, почему-то без перевода, и – совершенно неожиданно – невыносимо жуткий «Восставший из ада», который я так ни разу и не набрался смелости досмотреть до конца; всегда выключал на моменте, когда в начале фильма какого-то мужика разрывали на части цепями заживо.

Так, упакованный учебниками и видеокассетами, я по плану родителей должен был провести дома безвылазно добрые... не знаю, сколько. Каждый день они приходили домой, наскоро осматривали меня, пихали мне градусник подмышку и говорили: «Ты еще слишком слаб. О школе не может быть и речи!» Какой мальчишка не обрадовался бы таким каникулам! Но никого приглашать родители тоже не разрешали – опасались, что гости меня могут чем-нибудь заразить, и я не выкарабкаюсь.

Но на то и нужны лучшие друзья, чтобы поддержать в трудную минуту. Как-то раз зазвонил телефон. Я был дома один, взял трубку. Звонил Мишка Горлов. Он страшно обрадовался, услышав мой голос и, несмотря на мои увещевания – касаясь запретов отец был очень строг – все же напросился в гости. Первые пару раз я жутко нервничал, но с какого-то момента это стало традицией. Мишка частенько прогуливал школу, и поэтому, выйдя из дома, прятался где-нибудь во дворе – в ракете или за мусорными контейнерами – и высматривал моих родителей. Дождавшись, пока те выйдут из подъезда, он пулей бежал к домофону, и я его впускал, чтобы смотреть вместе «Тома и Джерри», «Белоснежку» и пытаться сквозь пальцы выдержать хотя бы пять минут «Восставшего из ада».

Так было и в *тот* день. Я отпер ключом дверь, и Мишка буквально ввалился в квартиру. Влетев ко мне домой, он был необычно возбужден. Спросил с порога:

– Слушай, а ты у своих предков когда-нибудь малинку находил?

– Где, в огороде? – удивленно спросил я.

– В каком огороде? Ну, клубничку? Порево? Находил, нет?

– Да не-е-е... – с сомнением протянул я. Я сомневался в значении этого слова, знал лишь, что это что-то неприличное. – Откуда у них?

– Ага, все они не такие... Прикинь, я у Шibaевых дома был...

– Брешешь! Как они тебя пустили?

– Да у них батя преставился, на похороны уехали, а посидеть некому.

– Да ладно! Этакий бычара. А че с ним?

– Какая разница? Вроде с печенью что-то, какие-то паразиты... Я вообще не о том, ты слушаешь?

– Да слушаю-слушаю! Сижу тут, все новости мимо меня. – я даже как-то обиделся на «полубандита» Шibaева, как его называл папа, за то, что он посмел умереть, пока я тут сижу в четырех стенах. – Ну и?

– Ну, я мелкого перед приставкой усадил, а сам пошел посмотреть, что дома лежит... – по лицу Мишки пробежала тень. – Ну я так, из интереса чисто!

– Ох, Мишка, попадешься ты однажды...

– Да я не взял даже ничего! Ты дослушай! Нашел кассету. Не подписанная, без названия. Включил – а там... Блин, да-

же не знаю, можно ли тебе говорить вообще.

– Слышь! Сказал «А», говори «Б»...

– Ну, короче, там как на той карточке, помнишь? Только по-настоящему все! В движении! Прямо... все видно, прикинь! Там баба такая, в чулках, и негр...

– Фильм какой-то что ли? – не понял я тогда.

– Да какой фильм на хрен! Там этот негр ее прямо на свой кочедык насаживает!

– Да ладно? Такое... наверное, не снимают.

– Ты дурак, что ли? – с какой-то даже жалостью спросил Мишка.

На секунду я представил себе эту сцену – получилось весьма смутно. Какая-то баба в чулках – мне представилась тетя Ната из гастронома, а негр почему-то был дикарем с костью в носу и держал в руках огромную корягу – так мое воображение в тот день истолковало слово «кочедык». Я не удержался и прыснул.

– Чего ржешь? Дурак совсем?

– Да так... О своем. А с чего ты решил, что этот фильм у моих родителей тоже есть?

– Он у всех предков есть. Ну, не он, а какой-нибудь навряде...

– Я все кассеты пересмотрел, – кивнул я на полку. – Если бы такой был, я бы его уже нашел.

– Ага. Наивный чукотский мальчик. Думаешь, они ее на виду хранят? Такое обычно прячут.

И Мишка, наглый от природы, не дожидаясь моей реакции, принялся распахивать шкафы в гостиной.

– Эй, это мамины вещи! – вмешался я, когда он по плечо залез рукой под стопку одежды.

– Она должна быть где-то... Может, здесь? – Горлов, невзирая на мое возмущение продолжал копошиться в родительских пожитках. Вдруг оторвался, оглянулся на меня, спросил: – А что тебе сегодня мамка оставила?

– Котлеты и пюре.

– Айда перекусим?

От пюре Мишка благородно отказался. Отрезал нам по два куска черного хлеба и сделал два бутерброда с котлетами. Он такие называл «чизбургеры». Макдональдса в нашем городе тогда еще не было, так что ему было невдомек, что в чизбургеры обязательно кладется сыр.

Подкрепившись, Горлов с новыми силами бросился на поиски «малинки». Взобравшись на рискованную конструкцию из стула и стопки папиных книг по коптским культам, гностицизму и манихеизму, чем бы он ни был, Мишка принялся шарить по антресолям, сбрасывая на ковер целые комья пыли. Наконец воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.